

Стовпюк М. Ф., Лытов Д. А.

УДК 151.21.51+316.37
urania@pisem.net , socion@hotbox.ru

ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОПЫТКА АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Настоящая статья открывает серию работ, посвященную поэтам и писателям. На основании биографических материалов об Иосифе Бродском делается предположение о его принадлежности к ТИМу интуитивно-логический интроверт (Δ■, ИЛИ).

Ключевые слова: интуитивно-логический интроверт (Δ■), Иосиф Бродский, поэзия, соционика, тип личности.

...всякая попытка аналитического подхода к синтетическому явлению заведомо обречена.

И. Бродский. «Поэт и проза»

1. Вступление. Типирование известных личностей

Практически любая книга или сайт по соционике снабжены длинным или не очень списком знаменитостей, «расфасованных» в соответствии с соционическими типами, которыми награждает их автор. И это, безусловно, очень полезный приём: одно дело — читать описания, и совсем другое — узнавать (пусть пока с помощью гида) в них известных артистов, писателей или политиков. При этом часто забывается важная особенность: люди, чьи типы попадают в «списки знаменитостей», известны многим именно благодаря своей исключительности (гениальность, талант, экстраординарные пробивные способности, психические заболевания, наконец). А ведь, гениальность или талант — понятия внетипные, более того, они могут изрядно «закранировать» тип, не говоря уже о «помехах», которые вносят средства массовой информации.

Насколько тип писателя или поэта проявляется в его произведении? Оказывает ли тип какое-либо влияние на творчество? Можно ли, анализируя текст, сделать вывод о типе автора?

Существует множество подобных вопросов, на которые пока не получены однозначные ответы (если они вообще тут возможны). Нам представляется, что анализ текстов (разумеется, если это не просто новогоднее поздравление коллегам по работе) может дать достаточно информации для определения типа творца. Особенно, если таких материалов много, особенно, если они написаны не только по Заказу. Здесь есть, конечно, и ограничения. Одно из них вынесено в эпиграф. Разобрав что-либо на составные части, мы получим только эти самые составные части. О том, как они работают вместе, можно лишь догадываться или, при удачном стечении обстоятельств, наблюдать.

В настоящей статье мы попытались обосновать своё мнение о соционическом типе поэта Иосифа Бродского (1940-1996). В качестве доказательств привлечены тексты его стихотворений и эссе, его интервью, фильмы о Бродском. Рассмотрение будет проводиться по дихотомиям, начиная с определения наиболее, на наш взгляд, отчётливых признаков к менее отчетливым.

К слову сказать, приходилось слышать такую точку зрения: дескать, не стоит лезть с соционикой туда, где она заведомо бессильна — подобные попытки чем-то смахивают на проверку «алгеброй гармонии». С другой стороны, обратимся к словам самого Бродского, которыми он охарактеризовал творчество Цветаевой, Пастернака, Мандельштама и Ахматовой: «У меня на этот счёт есть другая теория... Дело в том, что всё, что имеет место в культуре, сводится, в конечном счёте — или это можно попробовать свести — к четырём известным нам темпераментам: меланхолик, сангвиник, флегматик и холерик. Так я думаю. И мне кажется, что нашу «большую четвёрку»

тоже можно поделить в зависимости от этих темпераментов. Поскольку в этой группе все эти темпераменты как раз очень отчётливо представлены: скажем, Цветаева — безусловно, холерический автор. Пастернак — сангвиник. Осип Эмильевич — меланхолик. А Ахматова — флегматична» [2]. Уж если сам Бродский не возражал против типологии поэтов — будем считать, что индульгенция получена, и приступим к нашим «святотатствам».

2. Интуи́т или сенсо́рик?

«Со времён юности Иосиф обладал ... редким даром — способностью абстрагироваться от реальной действительности. В такие минуты он был целиком погружён в свои мысли, не заботясь ни о реакции собеседника, ни о его интеллектуальных возможностях...» [9] — на наш взгляд, эти слова достаточно полно характеризуют программную интуицию. В данном случае интуиция — это свободное погружение в себя, «перемещение» во внутреннем времени и пространстве, свободные ассоциации, понятные для себя, но, возможно, странные для окружающих. Почему программную? Потому что именно эта функция «не задумывается» обычно о реакции на свое поведение других, а просто делает то, что для неё естественно.

Способность легко увлечься новым, интерес к дальним странствиям, неприятие рутины (также шар в пользу иррациональности) — характерны именно для интуитов. В возрасте пятнадцати лет Бродский бросил школу, не доучившись. Просто вышел из класса и больше назад не возвращался. Он посчитал, что таким образом только теряет время. Далее была работа на заводе, в морге, в котельной и других не менее интересных местах. Впрочем, нигде дольше года он не задерживался. «А потом началась работа в геологических экспедициях... Я мечтал путешествовать по свету... Но я совершенно не представлял, как эту мечту осуществить. И вот кто-то ... сказал, что существуют такие геологические экспедиции. Я страшно завёлся на это дело и узнал, что каждое лето в поле отправляются геологические партии» [2]. На неискушённый взгляд, геологические экспедиции — весьма подходящая работа для интуита, особенно иррационального. Во-первых, нигде не засиживаешься долго, во-вторых, это интересный (хотя и тяжёлый) опыт, в-третьих, можно заработать денег на зиму, чтобы хоть зимой заниматься тем, чем действительно нравится заниматься. Интересно, что впоследствии Бродский рекомендовал своим студентам иметь кроме написания стихов какую-либо ещё работу. Не для заработка — для расширения кругозора [5].

Итак, Бродский не окончил школу и формально нигде не учился, при этом 24 года преподавал в нескольких американских университетах, вёл семинары для аспирантов, читал публичные лекции, не говоря уже о его основном занятии — стихах. Как такое могло получиться? По воспоминаниям одного из его студентов А. Батчана: «Можно без преувеличения сказать, что Бродский был подлинным интеллектуальным стимулятором. Но, с другой стороны, он иногда поднимал планку так высоко, что с ним становилось трудно. Трудно постоянно быть на высоте, не расслабляться. В его присутствии мы все побаивались, как бы не сказать банальность, и это сковывало... Впрочем, Бродский не муштровал студентов, не унижал, не вышучивал. Он был всегда доброжелателен, корректен, позволял себе только слегка иронизировать над тем или иным неудачным высказыванием...» [5]. В. Полухина вспоминала, как Бродский давал рекомендацию одному студенту: «Эрудиция его [Бродского] была воистину устрашающая... «Прежде чем заниматься исследованием поэзии, желательно прочесть... и тут последовал более чем часовой экскурс в историю греческой, римской и современной европейской поэзии, который он закончил словами: «Это приблизительно одна десятая того, что вам следовало бы знать, прежде чем писать о Мандельштаме или Пастернаке». И далее: «Бродский питал почти физическую неприязнь к невежеству» [5]. Конечно, мы не станем утверждать, что к самообразованию склонны только интуиты. На память легко приходит хрестоматийный пример — Максим Горький. Но сколько различий, несмотря на чисто формальное сходство! У Горького вообще не было возможности учиться в университете. Бродский же мог учиться и в советской системе... но не захотел. Или точнее, мог согласно Основному Закону, но не мог согласно своим внутренним представлениям. Самообразовываться могут все, но очевидно, что мотивы у различных типов к

самообразованию, скорее всего, будут очень разными. Например, для *рациональных сенсориков* это часто — повышение собственной компетенции (не в последнюю очередь в глазах других людей). Тот же Горький (□●) говорил, что, «как же это он, Горький, о чём-то знать не будет. А гордость на что?». Для *иррациональных сенсориков* самообразование — это стимул к новым ощущениям, защита от «заставания» и «закисания». Для *интуитов* — это просто одно из условий их существования. То есть, помимо «обычных» человеческих потребностей в еде сне и т. п., перед *интуитами* не менее остро стоит «задача» получения и переработки новой информации, далеко не всегда отвечающей насущным потребностям. Информацией этой они, как правило, охотно делятся. «Явление Бродского-преподавателя столь разнообразное, почти грандиозное и абсолютно харизматическое... Он мог изменить тему в течение первых минут уже начавшегося семинара... (Заметим, опять иррациональность!) Он явно перегружал свои семинары информацией, и чем меньше студенты знали о поэте, тем больше он старался компенсировать их пробелы, делая устные сноски чуть ли не к каждому слову стихотворения, биографо-психологические, исторические, философские, но главным образом поэтические, напоминая, что в поэзии всё — эхо всего.» (В. Полухина [5]). Обратим здесь особое внимание на последние слова — «всё — эхо всего». Помимо указания на *интуицию*, здесь есть также указание на целостность восприятия, присущую *иррационалам*, в отличие от *рационалов*, которые прежде всего отмечают различия. Эхо... чувство времени, прошлого, поэтов прошлого, как будто они современники, стихотворные «переклички» с ними. Время — стихия любой *интуиции*. Вообще, можно сказать, что время было одним из главных персонажей стихотворений Бродского: что делает человек со временем, и что делает время с человеком.

*Вот и прѣжили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.*

[1, т. III]

* * *

*Вещи затвердевают, чтоб в памяти их не сдвинуть
с места; но в перспективе возникнут трудней,
чем сгинуть
в ней, выходящей из города, переходящей в годы
в погоне за чистым временем, без счастья и терракоты.*

[1, т. IV]

* * *

*Только пепел знает, что значит сгореть дотла.
Но я тоже скажу, близоруко взглянув вперѣд:
не всё уносимо ветром, не всё метла,
широко забирая по двору, подберѣт.*

[1, т. III]

Не станем дольше увлекаться стихотворными примерами — их слишком много, да и статья не претендует на жанр «литературная».

Посмотрим теперь на отличие, которое проявляется в восприятии интуита Бродского и сенсорика Ахматовой (по нашему мнению и мнению некоторых социоников — ○■). По воспоминаниям Бродского: «В этом отношении [Ахматовой] к деталям, к подробностям, к датам сказывается, видимо, разница в воспитании — или в самовоспитании. Сколько я себя помню, я всегда стремился скорее отделяться от той или иной реальности, нежели пытаться удержать что-либо. В результате тенденция эта превратилась в инстинкт, жертвой коего оказываются не только обстоятельства твоей собственной жизни, но и чужой — даже дорогой тебе жизни. Разумеется, это продиктовано было инстинктом самосохранения. Но за всё, самосохранение это включая, расплачиваешься. В общем, помнить я у Анны Андреевны не научился — если этому вообще научаются» [2]. С одной стороны, *интуиты* вполне могут обладать выдающейся памятью — вспомним об «устрашающей эрудиции» Бродского. С

другой, могут полностью игнорироваться факты собственной биографии (например, в разных интервью Бродский путается в вопросе о том, сколько раз и когда его арестовывали). Внимание *интуита* — более избирательно, чем внимание *сенсорика*, отчасти из-за того, что он не всегда находится мыслями там, где присутствует физически.

Итак, первая пара признаков, на наш взгляд, разрешается в пользу *интуиции*. Пока не станем делать заключений о «верности» этой функции, а перейдём к доказательству её программного расположения, которому уже есть (см. выше) многие подтверждения.

3. Иррациональность vs. рациональность

«В рациональное я верю постольку, поскольку оно способно подвести меня к иррациональному», — писал Бродский [4]. Это, конечно же, ни о чём пока не говорит. Сплошь и рядом под *интуицией*, *рациональностью*, *логикой*, *этикой* и прочими материями скрываются понятия, отнюдь не тождественные соционическим. Иначе говоря, нужны более веские доказательства. Часть из них уже была приведена и отмечена во втором разделе. Вот как Бродский отзывался о предсказуемости, о рутине в жизни: «Всё, что обнаруживает регулярность, чревато скукой». И далее «...она (скука) представляет чистое, неразведённое время во всём его повторяющемся, избыточном, монотонном великолепии» [1, т.V]. Ведь, в некотором роде, это — тест на *рациональность/иррациональность*. *Иррационалы* чаще предпочитают открытые, незаконченные ситуации, те, в которых ещё не исчерпаны все возможности. Именно здесь они могут проявить себя наилучшим образом, и напротив, предсказуемость наводит их на мысль: «А зачем я вообще здесь нахожусь?». *Рационалы* же лучше чувствуют себя тогда, когда определённость достигнута, решение принято, и можно сосредоточиться на его выполнении, либо же отказаться от него вовсе. Очевидно, что первое в большей степени характеризует Бродского, чем второе.

Рационалам легче выполнять некие «циклические» действия. Например, подчиняться определённому распорядку дня в течение длительного времени, вести дневник. Бродский о своей попытке вести дневник: «Вы знаете, пробовал. И даже совсем недавно. Но я решил, что уж если я его буду вести, то а ля государь император — по-английски. То есть, как Николаша вёл. И что-то я там даже начал записывать. Но, в общем, нет, дневника я в итоге ни в коем случае не веду. Ну как-то не до этого. Нет нужного покоя. Для ведения дневника нужна жизнь а ля Лев Николаевич Толстой, да?» [2]. Для ведения дневника нужна размеренность, в том числе мыслей. Не будем также забывать, что, согласно Юнгу [10], а также в соционике [8] *иррациональность*≡восприимчивость, а *рациональность*≡суждение. *Иррационалы* обычно не торопятся с суждениями (выход на продуктивный элемент может весьма и весьма затянуться) и даже не всегда способны объяснить своё восприятие кому-либо. Поэтому можно сказать, что *иррационал* вряд ли будет успешен в ведении дневника — скорее всего ему это быстро наскучит. Автобиографический жанр для *иррационалов* — не дневник, а скорее, мемуары, порой с многочисленными наросшими за долгие годы «призраками».

Отношение к порядку у *рационалов* и *иррационалов* тоже разное. *Иррационалам* (в лучшем случае) присущ некий «иррациональный порядок». Под этим словосочетанием понимается ситуация, когда сам хозяин в своих вещах, делах, бумагах ориентироваться способен, тогда как окружающим они кажутся наваленными бесформенной кучей и запущенными. По воспоминаниям давней знакомой Бродского по Ленинграду и Америке Л. Штерн: «Сказать о Бродском «непрактичный» — значит ничего не сказать. Его расходы, вернее траты, бывали иногда необъяснимы с точки зрения здравого смысла; его финансовые бумаги — в художественном беспорядке...» [9]. К бессмысленным тратам можно отнести увесистую сумму (несколько десятков тысяч долларов), которую Бродский вбухал в ремонт чужой квартиры, которую он снимал на Мортон-стрит. «Когда Иосиф объявил о предстоящем ремонте, я пришла почти что в ужас. Пыталась объяснить ему, что люди, находящиеся в здравом уме и твёрдой памяти, чужие *квартиры не ремонтируют*. Только камикадзе. Ибо конец всегда плачевен. Случится одно из двух: или хозяин взвинтит квартирную плату, или к нему, откуда ни возьмись, свалится на голову племянник (тётка, бабушка, брат бывшей жены) и

жилец должен будет срочно выметаться... Иосиф не внял моим предупреждениям: ремонт был сделан и очень хорошо... Но я как в воду глядела. Года через два после окончания ремонта хозяин Бродского внезапно женился на финке-гинекологе, и ему срочно эта квартира понадобилась...» [9]. *Иррациональные интуиции* чаще «погорают» именно на банальностях. Им легче и интереснее предсказать что-то экстраординарное, чем поверить, что произойдёт какая-то тривиальность. При этом они обычно склонны забывать, что жизнь как раз большей частью из этих самых банальностей (по определению) и состоит. Быть может, нарочитое игнорирование этих банальностей служит своеобразной защитной реакцией от житейской предсказуемости: «... лично я всегда норовил смыться, чтобы не превратиться в жертву инерции» [2].

4. Экстраверт или интроверт?

Когда слушаешь стихи Бродского в исполнении автора, поражает монотонность, с которой произносятся слова [11, 13–16]. Практически отсутствуют какие-либо модуляции голоса, интонационное выделение, не говоря уже о «педалировании» отдельных слов или фраз. Такая манера разговора более характерна для *интровертов*. *Экстраверты* обычно стремятся подчёркивать интонацией те или иные моменты, чаще, чем *интроверты*, повышают или понижают голос.

Своеобразным «гимном интроверсии» можно назвать следующее стихотворение Бродского:

⟨...⟩
*Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.*

*Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
Не выходи из комнаты! То есть, дай волю мебели,
слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся
шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.*

[1, т. II]

Бродский неоднократно в интервью определял свой темперамент как меланхолический: «Я, со своей меланхолией, видимо играл роль Баратынского» [2]. Согласитесь, трудно приписать меланхолический темперамент (не сиюминутное состояние!) кому-либо из экстравертов. Заметим также, что если пользоваться теорией темпераментов Гуленко, то к меланхоликам (*восприимчиво-адаптивным*) следует отнести 4 соционических типа: ИЛИ, ИЭИ, СЛИ и СЭИ — все они интроверты [3].

Ещё одно качество, которое в различной степени проявляется у *экстравертов* и *интровертов*, — стремление к расширению своей деятельности. Можно сказать, что *экстраверты* обычно «следят» шире (плохи или хороши эти следы — другой вопрос). Напротив, *интроверты* чаще углубляются в предмет, нежели расширяют его. Пожалуй, следующие слова Бродского скорее могут принадлежать *интуйту-интроверту*, чем *экстраверту*: «Я не очень профессиональный писатель, не стремлюсь выпускать книжку за книжкой. В этом есть что-то недостойное, да!» [2].

В каком-то смысле указание на *экстраверсию* могло бы дать следующее замечание А. Кушнера: «Для него было недостаточно оставаться «широко известным в узких кругах» — хотелось большего...» [5]. Но, во-первых, большинство авторов, даже интровертов, стремятся к широкой известности, а, во-вторых, посмотрим, **как** (по воспоминаниям того же Кушнера) Бродский пытался себя «рекламировать»: «Но ставка при этом делалась не на эстрадное чтение, а на стихи, для тогдашних столичных ценителей поэзии, как правило, закрытые на все семь печатей» [5]. Действительно, представить Бродского на стадионе, читающим, подобно Евтушенко, свои стихи «народным массам», — дико и нелепо.

Назвать человека «общительным» или «необщительным» — слишком ненадёжный приём для определения вертности соционического типа. Уверенно отнести Бродского к какой-то из этих категорий трудно. Во-первых, непонятно, где кончаются деревья и начинается лес. Во-вторых, у человека, получившего Нобелевскую премию и многие другие премии, круг контактов неизбежно становится широким. Бродский стремился к общению с интересными ему людьми, любил широко праздновать свои дни рождения, но можно ли это считать признаками экстраверсии? Ведь, близких друзей в Америке у Бродского было немного, и круг их за многие годы практически не менялся.

И, наконец, даже если абстрагироваться от фактов биографии Бродского, а обратиться лишь к стихам и эссе, трудно не заметить направленности его творчества вовнутрь, попыток проникнуть в мир и других посредством себя.

*Под раскидистым вязом, шепчущим «че-ше-ще»,
превращая эту кофейню в нигде, в вообще
место — как всякое дерево, будь то вяз
или ольха — ибо зелень переживает вас,*

*я, иначе — никто, всечеловек, один
из, подсохший мазок в одной из живых картин,
которые пишет время, макая кисть
за неимением, верно, лучшей палитры в жисть,*

*сизжу, шелестя газетой, раздумывая, с какой
натуры всё это списано? чей покой,
безымянность, безадресность, форму небытия
мы повторяем в летних сумерках — вяз и я?*

[1, т.IV]

Или в ещё более ранних стихах:

*Я не занят, в общем, чужим блаженством.
Это выглядит красивым жестом.
Я занят внутренним совершенством:
Полночь — полбанки — лира.
Для меня деревья дороже леса.
У меня нет общего интереса.
Но скорость внутреннего прогресса
Больше, чем скорость мира.*

[1, т.I]

Джон Коппер, тогда студент, спрашивал у Бродского совета, стóит ли ему идти в аспирантуру и вообще заниматься литературой. «Его голубые глаза взглянули на меня с весёлым удивленьем. «Конечно, вам надо заниматься литературой! Посмотрите вокруг... — литература даёт нам возможность сказать всему этому: нет» [5]. Сказать «нет» путём ухода в себя, в свой внутренний мир, к любимым книгам и авторам... Чем не решение для интроверта?

Итак, выделив три признака, — *интуиция, иррациональность, интроверсия*, — мы получили программную *интуицию времени* Δ. Фраза, оброненная Бродским в одном интервью, в каком-то смысле этот вывод подтверждает: «Время уподобляет человека самому себе» [2].

5. Логик или этик?

Различие между логиками и этиками вкратце можно обозначить, как отстранённость одних и вовлечённость других. Логики легче оценивают ситуацию, находясь как бы рядом, вне её, по возможности минимизируя воздействие на свои чувства. К примеру, по словам А. Батчана: «...Бродский вообще удивлял трезвостью политических суждений и дорожил своей

позицией «над схваткой» [5]. И даже в тех случаях, которые касаются его самого, его здоровья, получаем преимущественно логическую оценку. Вот как Бродский рассказывал о своей операции. «На самом деле всё очень просто. Был инфаркт, после чего я года два кое-как мыкался... И тогда врачи решили меня разрезать, поскольку они сделали всякие там анализы и убедились, что из четырёх артерий три — «но пасаран», да? Совершенно забиты. И они решили приделать артерии в обход, в объезд. Вскрыли меня как автомобиль. Всё откачали — кровь, жидкость... И, значит, они вставили три объездных, запасных пути. Развязки, если угодно. Но впоследствии выяснилось, что из трёх путей только два действуют, как следует, а третий — смотрит в лес. И операцию эту пришлось повторить» [2] Очевидно, что такой текст может принадлежать только *логике*, причём, вероятнее всего, «деловому» (■) *логике* — идёт описание методики операции, да ещё и с помощью автомобильных терминов.

Каковы могут быть особенности поэта-логика? В чём эта *логика* может у него проявляться? Ответ можно найти у собеседников и студентов Бродского: «Бродский считает поэзию наиболее экономичной формой мышления, когда хорошее стихотворение на предельно сжатом пространстве покрывает громадные интеллектуальные и эмоциональные расстояния, часто достигая откровения» [5]. Стих Бродского весьма склонен к почти афористическим формулировкам: «Только то и держится на гвозде, / что не делится без остатка на два» [1, т. III], «Ведя ту жизнь, которую веду, / я благодарен бывшим белоснежным / листам бумаги, свёрнутым в дуду.» [1, т. III], «Жизнь есть товар на вынос: / торса, пениса, лба. / И географии примесь / к времени есть судьба» [1, т. III] — продолжать можно до бесконечности. То же самое можно сказать и о прозе Бродского: «Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, и в частности поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель» [1, т. IV]. Стремление к таким законченным, лаконичным формулировкам — опять же признак соционической *логики*. *Творческая логика* заставляет сжимать формулировки, изгонять «воду», оставляя чрезвычайно насыщенный «сухой остаток». Чтобы понять, что в этом остатке, нужно проделать весь путь в обратном направлении, но уже читателю и собственными средствами. Не удивительно, что каждое слово поэта при таком написании должно нести колоссальную смысловую нагрузку. «Отсюда его требование к студентам, как и к себе самому, чтобы между мыслью, чувством и их языковой оболочкой было максимальное соответствие. Поэтому его английская речь была постоянным творческим актом. Читая лекции, Бродский не боялся повторять одни и те же мысли, выражая их по-разному, как бы примеряя, разглядывая, постоянно иронизируя над употребляемыми им оборотами» [5].

Выше уже говорилось, что Бродский, как преподаватель, был весьма нетрадиционен, не следовал какому-либо жёсткому плану. «Однако при всём расплескивании мысли по древу культуры, при регулярных спусках на философские глубины Бродский не терял фокуса. Одновременно он очерчивал для слушателей контуры собственного поэтического мира. Излюбленные им тропы варьируются и объясняются, магистральные для поэзии самого Бродского темы освещаются новым светом в контексте чужой поэтики, не дающие покоя идеи развиваются до их логического завершения на материале чужих, но близких по духу текстов» [5]. Здесь *творческая* ■, помогает задать стержень тому обилию информации и времён, которыми оперирует *программная* △.

Но гораздо менее уверенно Бродский чувствует себя на этической «территории». Когда американские студенты спросили об его отношении к Сильвии Плат, чья поэзия по содержанию была очень личной, он ответил: «В нашей стране считается неприличным писать о самом себе, поэзия и без того исповедальна» [5]. В данном случае страна, конечно, ни при чём, или же можно сказать, что в «страну» Бродского входил он сам и некоторые его друзья-поэты.

Со стороны поведение *логики* может показаться «неэтичным» (вовсе уже не в соционическом смысле этого слова). Дело в том, что *логики*, как правило, не склонны принимать шутки и замечания целиком «на свой персональный счёт». Соответственно, находясь в роли шутника, они будут ждать от других не обиды, а понимания шутки. Но надежды эти не всегда оправдываются. Из воспоминаний Л. Штерн: «Однажды позвонил Бродский и сказал, что через три дня появится в Бостоне, в Публичной библиотеке, — у него

будет литературное чтение... Мы боялись опоздать и неслись по шоссе как сумасшедшие. Но, слава Богу, успели... Бродский стоял у подъезда библиотеки. Он курил и болтал со своим приятелем и переводчиком, поэтом Дерекком Уолкоттом, тоже будущим Нобелевским лауреатом. Увидев подлетевших, с трудом переводящих дыхание нас, небрежно кивнул: «Привет... Дерек, познакомься с типичными представителями третьей волны...» Дерек улыбнулся и пожал нам руки... Мне показалось, что меня ударили по лицу. Я на секунду оторопела, потом взяла Витю под руку: «Мы уходим»... Иосиф позвонил в тот же вечер: «Людка, чего ты взбесилась на ровном месте?» [9]. Для *логика* — это действительно «на ровном месте», тем более что фраза была сказана беззлобно и шутя.

Что же касается болевой *этики эмоций*, то опять обратимся к словам Бродского: «положительные переживания наиболее изматывающие...» [4] или «Всю свою жизнь я стремился избегать переездов и мелодрам» [4]. Точнее ■ в КНС выразить трудно. Бродскому всегда претило быть «предметом чьих-то восторгов» [4] (именно восторгов, а не признания), а вопросы о процессе над ним и последующей ссылке чаще всего раздражали: «Бродский категорически не желал ни быть, ни считаться жертвой. Ему была невыносима сама мысль, что травля, суды, психушки, ссылка — именно эти гонения на родине способствовали его взлёту на недостижимые вершины мировой славы» [9], и далее: «...Бродский раздражался и вспыхивал, когда его спрашивали о процессе. Я была свидетелем, как в одном доме Иосиф нагрубил очень достойному господину, который выразил ему сочувствие по поводу «пережитых невзгод» [9]. Действительно, такую пошлость, как «пережитые невзгоды», *болевая этика* вынести просто не в состоянии. Куда естественней для Бродского звучало такое безэмоциональное «определение» тюрьмы: «Недостаток пространства, возмещённый избытком времени» [2].

В «Диалогах» С. Волкова с Бродским:

«— Вы оцениваете это так спокойно сейчас, задним числом! И, простите меня, этим тривиализируете значительное и драматичное событие. Зачем?»

— Нет, я не придумываю! Я говорю об этом так, как на самом деле думаю! И тогда я думал так же. Я отказываюсь всё это драматизировать!» [2].

Позднее, уже в Америке у Бродского даже появился своеобразный приём, чтобы понизить эмоциональный фон беседы: «К слову сказать, Бродский часто переходил на английский, будто чужой язык помогал скрыть или нейтрально выразить определённый спектр чувств» [9].

Или вот ещё один пример «взрыва» болевой функции. История произошла сразу после того, как Бродский оставил школу. «Как же, весь класс пришёл ко мне домой. А в то время я уже за какой-то пионервожатой ухаживал, или мне так казалось. Помню, возвращаюсь я домой с этих ухаживаний, совершенно раздёрванный, вхожу в комнату ... и вижу: сидит почти весь класс. Это меня, надо сказать, взбесило. То есть реакция была совершенно не такая, как положено в советском кинофильме. Я несколько не расстрогался, а наоборот — вышел из себя. И в школу, конечно, не вернулся» [2].

Сталкиваясь с проблемой, решение которой требует привлечения болевой функции, человек очень легко теряет: «... одна замужняя дама, жена живущего в Бостоне поэта М., приехала в один прекрасный день без всякого повода к Бродскому на Мортон-стрит «навсегда поселиться». «Заметьте, без предупреждения», — говорил Бродский. Она позвонила в дверь, вошла с чемоданом и сказала: «Как хотите, Иосиф, а я без вас не могу жить». Иосиф любезно помог ей снять пальто, усадил в кресло, а сам заперся наверху и в панике позвонил мне с вопросом: «Что делать?» Я была хорошо знакома с этой дамой и её мужем, коему и позвонила, чтобы он немедленно приехал и забрал свою жену вместе с чемоданом. Что он и сделал. А пока муж ехал, Иосиф сидел запершись, в то время как дама выла под дверью» [9].

Вместе с КНС весьма слабой обычно оказывается и референтная функция, в данном случае на эту роль претендует *этика отношений* — □. Друг Бродского поэт А. Кушнер вспоминал: «Говорили об эссе «Полторы комнаты»... Рассказал мне, что писал это эссе для той женщины — американской славистки, которую любил и с которой жил шесть лет. Писал, чтобы доказать ей, что он не холодный и равнодушный человек, каким она его считала» [5].

Здесь слабая *этика* оказывается «под прикрытием» *логики* — проще написать на бумаге целое эссе, чем просто объяснить свои чувства и выразить своё отношение к близкому человеку.

Думаем, что фактов уже достаточно и связка *творческая деловая логика* ■ — *болевая этика эмоций* ■ довольно очевидна. Перейдём к окончательной «сборке».

6. Соционический тип Δ ■ (ИЛИ) и личность Бродского

В результате попарного рассмотрения юнговских признаков мы сделали выбор в пользу интуиции, логики, иррациональности и интроверсии. В соответствии с соционической теорией это приводит нас к ТИМу интуитивно-логический интроверт Δ ■. Но если в предыдущих главах мы рассматривали отдельные функции, то теперь следует перейти к целостному описанию этого типа, или (согласно эпитафии) к наиболее «провальной» части.

Один из псевдонимов типа Δ ■ (ИЛИ) — «Критик», что, однако, не влечёт за собой его безусловную тягу к критике. Быть может, этому ТИМу наилучшим образом удаётся это занятие, но далеко не только оно. Зачастую ИЛИ присущ некий особый, пессимистично-умудрённый (независимо от возраста) взгляд на мир. «Способность к свободному мысленному передвижению по оси времени позволяет ему [ИЛИ] видеть далёкую перспективу, вследствие чего мало кто может с ним сравниться в стратегических прогнозах... При этом его прогнозы, как правило, окрашены скепсисом...», — сравним эти высказывания об Δ ■ (ИЛИ) из книги [7] с высказываниями самого Бродского: «Если живёшь на свете достаточно долго, видишь, что мелкие отступления приводят к крупным потерям» [4] или «...свобода слова неизбежно ведёт к его инфляции» [5]. Или вот такой прогноз, связанный с уровнем культуры в обществе: «Тревожит меня то, что неспособный адекватно выражать себя человек прибегнет к действиям. А поскольку словарь действий ограничен собственно его телом, постольку он обречён действовать агрессивно, расширяя лексикон с помощью оружия — там, где можно было бы обойтись прилагательными» [5].

Скрупулёзность Δ ■ (ИЛИ), его требовательное отношение к своей работе проявлялись у Бродского с юности. Л. Лосев вспоминал: «В характере Бродского не было богемности — он просто не умел быть халтурщиком и разгильдяем. Когда в молодости ему «устраивали халтуру» — сделать фоторепортаж для детского журнала или написать текст к научно-популярному кинофильму о Рембрандте — он привозил груды снимков, над которыми тщательно работал в лаборатории, и писал серьёзные стихи о великом голландце. Так же всерьёз он и преподавал...» [5].

Отношения Бродского со студентами — это тоже отношения *логика*, а не *этика*. Это далеко не наставничество, а скорее надежда встретить равного собеседника. «Бродский относился к своей преподавательской деятельности без особого восторга... он умел и любил говорить о литературе, но этим всегда приятнее заниматься не в тисках академического календаря, а в свободное от главной, литературной работы время... Радости прирождённого педагога — отыскать жемчужное зерно в юношеской невнятице, заставить недоумка впервые в жизни задуматься — были чужды Бродскому. Он легко сходился с талантливыми, оригинально мыслящими студентами... Невежество, готовность пользоваться заученными формулами его раздражали, и своего раздражения он не скрывал. Про одну особенно неудачную группу он рассказывал: «Я вхожу в класс и говорю: «Опять вы?» — они смеются, думают, это я так шучу» [5]. Δ ■ (ИЛИ) редко срывается в подобных ситуациях, да и оказывается он в них слишком часто, — его планка слишком высока, — поэтому всё, что ему остаётся, это несколько «черноватый» юмор. Например, после длительного ожидания ответа на вопрос, заданный студенту, Бродский попросил: «Говорите, что хотите, со стихотворением ничего не случится» [5]. Но всё же, если его особенно поражали невежеством, Бродский не стремился к

политкорректности. «Американских студентов, которых никто никогда ни в чём не упрекает и не стыдит, особенно прилюдно, он ошеломлял заявлениями вроде «народ, который не знает своей истории, заслуживает быть завоёванным» [5]. Однако чаще Бродский был гуманным: «Когда он чувствовал, что у студентов головы пошли кругом от этого каскада сравнений и парадоксов, он, чтобы подбодрить их, говорил: «Вы ничего не знаете, и я ничего не знаю, просто моё ничего больше вашего» [5]. Как тут не вспомнить знаменитого ИЛИ Сократа!

Как *иррациональные интуиты*, Δ ■ (ИЛИ) не терпят тривиальности и пошлости, как интроверты смотрят на всё изнутри: «...ухитрившись выбрать нечто, привлекающее других, ты выдаёшь тем самым вульгарность выбора» [4], или «Блока, к примеру, я не люблю, теперь пассивно, а раньше — активно... За дурновкусие. На мой взгляд, это человек и поэт во многих своих проявлениях чрезвычайно пошлый. Человек, способный написать: «Я ломаю слоистые скалы / В час отлива на илистом дне...» Ну, дальше ехать некуда! Или вот ещё: «Под насыпью, во рву некошеном, / Лежит и смотрит как живая, / В цветном платке на косы брошенном, / Красивая и молодая...» — всё-таки имел уже место быть XX век, и говорить про женщину, особенно про мёртвую, «красивая и молодая...» [2].

А вот как можно было бы описать связку ■ — ■ словами Бродского: «Чем мощнее мышление индивидуума, тем меньший комфорт оно обеспечивает своему обладателю в случае той или иной трагедии» [4]. Δ ■ (ИЛИ) — весьма самостоятельный соционический тип, его *программная деловая логика* способна справляться с разнообразными проблемами (пусть не помогают — главное, чтоб не мешали), при этом он совершенно не нуждается в чьих-то красноречивых обещаниях (■ — антиценность!): «Что замечательно в этой стране, так это сознание, что ты on your own (сам по себе) и никто не е...ёт тебе мозги, что поможет, живот за тебя положит, то есть ситуация абсолютно лабораторная: беспримесная» [9].

Если выбирать теперь из неюнговских признаков, то рассмотрение дихотомии статика-динамика говорит скорее о динамичности типа: «...смены настроения, а также внезапные исчезновения и появления были Бродскому свойственны...». Это отличает *динамиков*, например, от *экстравертов-статиков*: внешне активные, они все же внутри довольно инертны [3].

Отношение практически к любому явлению, как к явлению временному, более того, готовность ко всяческим переменам отражается в следующем отрывке из письма Бродского (наставление знакомой, которая должна вскоре прибыть в Америку): «В среднем раз в три года... американ грузит своё семейство в кар и совершает отвал, куда глаза глядят. Дело не только в том, что везде мёдом намазано, но и в том, что контракты в этой стране заключаются... как правило, года на два... во всяком случае, к любому поступающему предложению следует относиться как к временному явлению. А у русского человека, хотя и европейца, конечно, склонность полюбить что-нибудь с первого взгляда на всю жизнь. От этого — хотя бы чисто умозрительно — надо поскорей отделаться, а то потом нерв сильно расхотится будет, то есть в процессе осознания» [9]. Δ ■ (ИЛИ) старается заранее готовить себя к возможным переменам, поэтому пытается сам избежать различных «привязок» и предостерегает от этого других. Именно таким образом он ограждает себя и близких от возможных стрессов (характерных в подобных ситуациях практически для всех интровертов). Одним из таких стрессов для Бродского был вынужденный отъезд из СССР. Ведь сам он хотел остаться, даже перед отъездом писал письмо Брежневу с просьбой пересмотреть решение о его высылке.

Как говорилось выше, при подготовке статьи использовались также фото- и видеоматериалы [11–16] о Бродском. Могут ли они что-либо добавить к уже написанному? На большинстве фотографий взгляд Бродского — спокойный и безэмоциональный. В движениях — то же впечатление, чтение стихов — нарочито без интонаций, без эмоциональных пауз; в глазах, обычно спокойных, порой мелькает насмешка интеллектуала, на губах — лёгкая, но вместе с тем ироничная улыбка. Бродский бывал язвительным, но выходил из себя редко — разве что когда вокруг него сильно нагнетали страсти. Образ скептика, поэта, чьи строчки можно разгадывать бесконечно, вполне соответствует соционическому описанию типа ИЛИ.

7. Квадральная принадлежность

Наконец, давайте порассуждаем о квадратальной принадлежности Бродского. Практика говорит, что о квадратах сложилось немалое количество стереотипов, зачастую слабо обоснованных, созданных на волне дискуссий между соционическими школами. Например, некоторые априори считают третью квадрату «квадрой предпринимателей». Это не может быть однозначным критерием, поскольку свободное предпринимательство — это привилегия достаточно богатых цивилизаций. Чтобы обменять один ресурс на другой, надо, чтобы данные ресурсы были в наличии, причем в большом количестве — чтобы было из чего выбирать, чтобы царила свободная конкуренция. Если же общество беднеет — неужели 3-я квадра исчезает? Эволюция не идет такими же быстрыми скачками, как макроэкономика. Можно привести и более яркие примеры: Сократ, Паскаль, Ньютон, Бергсон (все, по нашему мнению — ИЛИ, с чем согласно и большинство социоников) были далеко не предпринимателями, у некоторых само это слово вызывало отвращение. Вот, к примеру, слова Бродского о возможности «предпринимательства» в советской России: «По правде говоря, искусство и нарушение супружеской верности — единственные формы свободного предпринимательства, оставшиеся в России» [4]. Впрочем, мы не будем здесь пользоваться этим определением, как критерием принадлежности к третьей квадрате.

Но это все были «деструктивные» рассуждения, а теперь попробуем рассуждать конструктивно. Поставим перед собой задачу: выявить квадратальные ценности Бродского. В соционике к категории квадратальных ценностей относят содержание ЭГО и СУПЕРИД, при этом «шум», который вносят ролевые функции диад, считается пренебрежимо малым.

Прежде всего — □ или ■? Известно, что первая и вторая квадраты (ценность — □) отличаются *концептуальным* подходом, тогда как третья и четвертая (ценность — ■) — *процессуальным*. Переводя на человеческий (общепонятный) язык: *первая* квадра всю жизнь занимается строительством идеальных теорий о том, как сделать, чтобы «всем было хорошо», а *вторая* квадра с неумолимостью эти идеалы внедряет. Наоборот, *третья* и *четвертая* об идеалах имеют довольно смутное представление («не буди лихо, пока оно тихо»), зато создают и отлаживают процедуры для решения тех или иных вопросов. Какая же из этих двух функций относилась к ценностям Бродского? Его никак нельзя назвать сторонником идеальных концепций. Наоборот, он постоянно вышучивал, высмеивал разного рода идеалистические заблуждения, и его сарказм широко известен. Например, в Нобелевской лекции он высмеял известный интеллигентский стереотип о том, будто бы грамотность и гуманизм неразрывно связаны: «Ленин был грамотным, Сталин был грамотным, Мао Цзэдун — тот даже стихи писал. Однако список их жертв намного превышает список прочитанных ими сочинений» [1, т.IV].

Особого пристрастия к *структурной логике* (□) в «прикладном» смысле у Бродского тоже не наблюдалось. По воспоминанию А. Батчана «Бродский не увлекался структурным анализом поэтических текстов, которым тогда славился наш университет... он стремился донести до студентов всю оригинальность стихотворения, глубину метафорического строя, богатство историко-литературного контекста, а главное, продемонстрировать творческий потенциал, заложенный в самом языке» [5].

Еще ярче выглядит разница между двумя другими ценностями — ■ (1 и 2 квадраты) и □ (3 и 4 квадраты). Отношение Бродского к эмоциональному давлению известно (см. выше) — оно его раздражало, он не вступал в спор, а просто уходил или даже убежал (как не вспомнить соответствующий фрагмент характеристики ИЛИ: «Очень не любит крика, на слезы и истерику реагирует просто — уходит (иногда — засыпает).» [6]). Высокопарность вызывала у него состояние, близкое к ярости, — он немедленно начинал высмеивать такого человека. Очевидно, что ■ вряд ли может относиться к его ценностям, зато наверняка к антиценностям. Что касается □, то, по воспоминаниям А. Кушнера, Бродский «был способен давать мудрые советы, в том числе и в сложных житейских и любовных обстоятельствах. «Ты должен сделать то-то и то-то», — говорил он мне, будучи посвященным в мои тогдашние сердечные дела» [5]. Вряд ли подобные советы можно было бы получить, скажем, от ИЛЭ с его □ в КНС. Здесь проявляется

действие слабой референтной □ на малом расстоянии, подкреплённой творческой ■ — «сделай то-то и то-то».

Таким образом, мы должны выбирать между 3 и 4 квадрами. Заметим, что при написании статьи среди рабочих гипотез о типе Бродского фигурировал тип О■ (СЛИ). *Этические* типы данных двух квадр мы рассматривать не будем, поскольку у нас нет на то оснований: слабость этической функции Бродского в статье уже рассмотрена подробно. Из оставшихся 4-х типов также отпадают *экстраверты* — даже несмотря на склонность Бродского к путешествиям, он все же отличался замкнутостью, привычкой к определенным местам, привязанностью к очень узкому кругу людей, что уже было рассмотрено выше. Попробуем оценить разницу между ИЛИ и СЛИ не с точки зрения признака «*интуиция — сенсорика*» (который также был рассмотрен), а именно с точки зрения квадральных ценностей.

● является внушаемой функцией для ИЛИ и игнорируемой для СЛИ. Это проявляется, в частности, в том, что при оказании волевого давления ИЛИ либо высмеивает его (если видит, что оно оказывается только «для форсу» либо неавторитетными для него людьми), либо подчиняется (если видит, что это в конце концов неизбежно). В интервью Бродский говорил, что привык «играть с властью по правилам». Получив предписание уехать из страны в течение месяца и разъяснения, что́ будет, если он ослушается, Бродский подчинился. Что касается процесса над Бродским в 1964 году, то и там было стойкое принятие им действительности и только. Волос на себе он не рвал (вспомним, что ■ — антиценность), но и в диссидентских движениях не участвовал, ни в Союзе, ни после. Его даже упрекали за то, что он не хочет своими рассказами о «тяжёлой доле» политических заключённых в СССР привлечь к этому вопросу внимание западной общественности [4]. Критика Бродским советской власти носила совсем иной характер: «Его отношение к советскому режиму лучше всего было бы определить как брезгливое... Он любил повторять, что советская власть — это своего рода антропологический геноцид, потому что она ограничила интеллектуальные возможности нескольких поколений людей» [5]. СЛИ же чаще всего игнорирует волевое давление либо начинает выстраивать оборону (проявляет стойкость). Бродский, как известно, не любил выяснять отношения. Даже в уже приведенном случае с настырной женщиной он не выставил ее за дверь (как, скорее всего, поступил бы сенсорик СЛИ), а убежал сам. Здесь видна слабость не только этической, но и сенсорной функции.

○ является сильной функцией СЛИ и ролевой — ИЛИ. При общей функции ■ («деловой логике») в бытовом плане СЛИ все же намного более практичный тип, чем ИЛИ. К какому же из этих вариантов поведения ближе Бродский? С одной стороны — множество «ручных» профессий, которые Бродский переменял в молодости, как будто говорят о сенсорных навыках. С другой стороны, вся жизнь Бродского говорит, что «ручные профессии» были для него лишь временным средством заработка, но никак не тем, к чему он стремился. Как только появилась возможность — он избавился от них навсегда. Вот что он сам говорит по этому поводу: «Потому что я теперь считаю, что не всякий опыт полезен и занимателен. Например, поработаешь где-нибудь неделю — и всё уже знаешь. Вообще-то в жизни нет ничего плохого, единственное, что в ней плохо — это предсказуемость, по-моему... И когда я в какой-либо жизненной ситуации начинал чувствовать эту предсказуемость, то всегда от неё уходил. Так что пословица «повторение — мать учения» не для меня» [2]. Действительно, эта пословица может вполне оказать влияние на «практика», но вряд ли будет верна для иррационального интуита.

Уже приведенный случай с ремонтом квартиры вряд ли характерен для СЛИ с его бытовым практицизмом — для ИЛИ он характерен гораздо больше. Известно, что и Сократ (ИЛИ), даже имея множество влиятельных знакомств, так и не захотел использовать их для личного обогащения — с его точки зрения, это влекло за собой слишком много суеты. А для СЛИ создать свой статус, обеспечить благосостояние — вполне естественно; как же иначе можно проявить себя, как не мелкими ежедневными материальными достижениями? Предприимчивость ИЛИ проявляется в крупных масштабах (например, как игрока на бирже); а вот крутиться по мелочам, отслеживать повседневные расходы — это дается ИЛИ гораздо труднее. Приведём один пример «предпринимательской» деятельности Бродского. Из

воспоминаний П. Вайля: «... Иосиф Бродский удивил серьезностью, с которой весной 1991 года принял свой титул американского поэта-лауреата... Четыре предшественника Бродского воспринимали лауреатство, подобно окружающим, скорее как почётное звание. Так что решительность нового лауреата озадачила. Он отказался на год от преподавания, сильно потеряв в зарплате...» [5]. И ради чего? Совсем не ради каких-либо мистических доходов в будущем, не ради тщеславия... «Предложение Бродского сводилось к тому, чтобы резко увеличить тиражи поэтических сборников и расширить их распространение, продавая, в частности, в супермаркетах и аптеках...» [5]. Парадокс? Да, если рассматривать предпринимательство третьей квадры в узком смысле. В данном же случае — это целенаправленная работа на будущее. Из речи Бродского в Библиотеке Конгресса: «На протяжении истории поэтическая аудитория не превышала одного процента по отношению ко всему населению... Коль скоро в этом году я нахожусь на жаловании Библиотеки Конгресса, то соответствующим образом отношусь к своей работе, как к общественно полезной деятельности. Вот этот слуга общества в вашем покорном слуге и склонен счесть показатель в один процент возмутительным и скандальным, чтобы не сказать — трагичным» [5]. Внеся своё предложение и не желая быть утопистом, Бродский продолжает: «Всё вышеизложенное, даже для сочувственного слуха, может звучать довольно диковато. Тем не менее, идея обладает и экономическим смыслом. Два с половиной миллиона экземпляров по цене, скажем, в два доллара, принесут в конечном счёте больше, чем десять тысяч по двадцать долларов... На мой взгляд, книги следовало бы доставлять на дом, включив их в число коммунальных услуг, подобно электричеству или молоку в Англии, по соответственно минимальной стоимости... И наконец, антология американской поэзии может быть обнаружена в тумбочке каждого номера каждой гостиницы, рядом с Библией, которая наверняка не воспротивится таковому соседству, коль скоро не возражает против соседства телефонной книги» [5]. Предложение Бродского взбудоражило Америку. Кто-то считал, что это бред: Америка — страна юристов, а юристы стихов не читают. Кто-то — что это неплохой рекламный ход. Но, по воспоминаниям П. Вайля, «... Бродский вовсе не относился к своему проекту как к чему-то символическому и церемониальному... Когда я сказал как-то, что столь эффектное выступление должно привлечь внимание читающей публики к стихам, Иосиф даже рассердился, заявив, что цель его — именно та, которая провозглашена. То есть — практическая. И — оказался прав... К началу 1994-го двенадцать с половиной тысяч книг уже разместились в сотнях гостиниц страны. На счёт зарегистрированного Кэрролом и Бродским общества American Poetry and Literacy Project стали поступать пожертвования — денежные и книжные» [5]. Чем не предпринимательская деятельность? Особенно если учесть, что представления о «доходах» даже у представителей одного и того же типа могут быть разными.

В некотором смысле конфликт юного Бродского со школой тоже можно объяснить в терминах квадральных ценностей. Учиться в той школе, в которой учился Бродский, по его мнению, — пустая трата времени. Но ценность III квадры — время (Δ) должно тратиться с пользой ($\blacksquare$). Попробуем теперь перевести на язык соционики требование такой школы к Бродскому-ИЛИ: отдавай своё время, а взамен не получишь ничего, кроме «корок» в установленный нами срок. Видимо, такие «условия договора» Бродского не устроили. Хотя, конечно, далеко не все $\Delta\blacksquare$ (ИЛИ) бросают школу. Да и нобелевскими лауреатами тоже становятся не все...

Но продолжим. $\blacktriangle$ является внушаемой функцией для СЛИ и игнорируемой — для ИЛИ. Она проявляется в исключительной чувствительности СЛИ к оценке его способностей, проявившихся в реальных делах, в то время как ИЛИ к такого рода оценкам довольно равнодушен. Сравним с воспоминаниями В. Полухиной: «Какой я замечательный преподаватель, не правда ли? — по-мальчишески обращается ко мне Иосиф после одного из своих семинаров. — Преподаватель вы, честно говоря, никакой, — отвечаю я, воздерживаясь от комплиментов, зная, что он их не выносит, даже когда напрашивается на них» [5]. Такой вопрос-шутку мог задать лишь человек, для которого оценка другого не важна, здесь он сам знает себе цену и не нуждается в чужих подтверждениях. Бродский мог спрашивать мнение о своих стихах у людей, которых ценил, впрочем, таких было немного. Как он сам вспоминал в

одном из своих интервью, ко времени знакомства с Ахматовой (Бродскому было 22 года) он уже многое написал и чувствовал себя в этой области «лучше всех и вся» [12]. Оценка официальной, советской литературной элиты Бродского не волновала тем более.

△ является сильной функцией ИЛИ и ролевой — СЛИ. Она проявляется в том, что ИЛИ ценит в себе талант прогнозиста и потому любит раскритиковать и остановить чрезмерно увлекшихся энтузиастов заранее, пока они не наломали дров, предупредить надвигающуюся катастрофу. Так, в связи с описанной выше кампанией по изданию поэтических сборников большими тиражами Бродский говорил: «Вероятно, я воображаю себя своего рода главным врачом, наклеивающим ярлыки на пачки — пачки стихов. На ярлыках тогда значилось бы нечто вроде: «Вести дела подобным образом опасно для национального здоровья». То обстоятельство, что мы живы, ещё не означает, что мы не больны» [5]. СЛИ же скорее заранее страшется сам, а чтобы другие не могли помешать его планам — напускает туману, даже дает заведомо ложные прогнозы (главное для него — не репутация прогнозиста, а уверенность в будущем — своем и близких). Это похоже на Бродского гораздо меньше. В. Полухина вспоминает свой разговор с Бродским: «При условии, что вы бросите курить, Иосиф, вам ещё десять лет жизни гарантировано». Он ответил: «Валентина, жизнь замечательна именно потому, что гарантий нет, никаких никогда» [5].

Л и т е р а т у р а :

1. Бродский И. Собрание сочинений. Т. I — VII. Пушкинский фонд. 1997–2002.
2. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. — М. Изд-во Независимая Газета, 2000.
3. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Юнг в школе. — Новосибирск, 1996.
4. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. — М. Захаров. 2000.
5. Иосиф Бродский: Труды и дни. Составители Л. Лосев, П. Вайль. — М. Изд-во Независимая Газета, 1998.
6. Онуфрієнко І. Д. Соціоніка. Інтуїтивно-логічний інтроверт. //Наука і суспільство. — 1990. — №4.
7. Филатова Е. С. Искусство понимать себя и окружающих. — СПб., Дельта, 1998.
8. Филатова Е. С. Личность в зеркале соционики. — СПб., Б&К, 2001.
9. Штерн Е. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. — М. Изд-во Независимая Газета, 2001.
10. Юнг К. Г. Психологические типы. — М., Алфавит, 1992.

Ф и л ь м о г р а ф и я :

11. Поротов Е. Интервью с Иосифом Бродским 12 февраля 1989 г. — СПб, 1996.
12. Стефанович А., Туманов Г. Иосиф Бродский. Штрихи к портрету. — 1996.
13. Федоровский Н. Иосиф Бродский: Продолжение воды. — 1990.
14. Чхартишвили Г. Нобелевские лауреаты. — ВГТРК, Дирекция худ. программ «ЛАД», 1997.
15. Якович Е., Шишов А. Прогулки с Бродским. — 1996.
16. Якович Е., Шишов А. Ниоткуда с любовью... — Ст. «РАКОРД». — 1996.

Статья поступила в редакцию 22.08.2002.